

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ
и
Искусство“.

Съдоставк. и пе, съ, на
годъ 7 р., на полг. 4 р.

Отд. №№ продаются по
20 к. Объявл.—40 к. съ
стр. пет.

и

Искусство

Адресъ редакціи и главной конторы

Моховая 45.

Отдѣленія: въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской—въ Одессѣ—при книжномъ магазинѣ С. В. Можаровскаго въ пассажѣ.

Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара, считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1669.

1904 г. VIII годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 11 Юля.

СОДЕРЖАНІЕ: Театрально-юридическій вопросъ.—По поводу предложенія г. Гарина.—О Чеховѣ І. А. *Купеля*.—Изъ воспоминаній объ А. П. Чеховѣ. *Арс. Г.*—Чеховъ въ театрѣ. *Л.*—Хроника театра и искусства.—Маленькая хроника.—Письма въ редакцію.—Провинціальная лѣтопись.—Объявленія.

Рисунки: Чеховъ и Толстой, Автографъ Чехова, Сада-Якко въ роли Офеліи, Вержбило-

№ 28.

вичъ, Шпильманъ въ роли Адама, В. В. Кавецкая въ „Натурщицѣ“, г-жа Тамара. (Шаржи).

Портреты: † Н. В. Унковскаго, † Ф. А. Норина, г. Гарина.

Приложеніе: кн. XIII—содержаніе: Блестящая пыль. Повѣсть изъ жизни соврем. писателей, художниковъ и актеровъ *В. Берента* (окончаніе).—Стихотв. *З. Бухаровой*.—„Святая душа“ пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ *Л. Жданова*.

О ЧЕХОВѢ.

I.

«Встрѣча со смертью»—такъ рисовалась мнѣ идея «Вишневаго сада», и вотъ что почувствовалъ я въ послѣднемъ произведеніи Чехова. Другіе находили, наоборотъ, что тутъ впервые, будто бы, зазвучали «бодрія настроенія». Мнѣ думается, что кончина Чехова, угнетеннаго болѣзнью, способна больше сказать по этому вопросу, чѣмъ наши объ этомъ споры и пререканія.

Болѣзнь усилила и подчеркнула основное настроеніе чеховской души. Юморъ Чехова и серія его первоначальныхъ, такъ называемыхъ «веселыхъ рассказовъ», нисколько не противорѣчатъ идеѣ пессимизма. Темпераменты различаются не по этимъ основаніямъ, и люди раздѣляются совсѣмъ не на категоріи *Jean qui rit* и *Jean qui pleure*. И смѣхъ, и слезы—двойное выраженіе одного и того же темперамента, двуединая сущность одной и той же чувствительности. И каковъ смѣхъ, таковы и слезы. Есть темпераменты бурные, увлекающіеся, страстно привязывающіеся. Къ таковымъ Чеховъ не принадлежалъ. И есть темпераменты созерцательные, осторожные, если можно выразиться, разборчивые, что-ли. Таковъ былъ темпераментъ Чехова.

Мнѣ нравится выраженіе Стапфера (см. интересныя статьи г. Долгова)—«идея ничтожества», при помощи котораго онъ опредѣляетъ сущность комическаго писателя. Въ самомъ дѣлѣ, надъ «серьезнымъ» не смѣются. Въ «серьезные» моменты жизни самые смѣшливые люди прикусываютъ языкъ. И смѣшнымъ многое кажется только до тѣхъ поръ, пока не открывается другая сторона двуединой сущности. Помню, я гдѣ то читалъ о томъ, какъ папуасы надрывались отъ смѣху, глядя на пишущихъ европейцевъ. Вѣроятно, въ настоящее время папуасы болѣе надъ пишущими европейцами не смѣются, потому что сознанію ихъ открылась внутренняя связь манипуляцій, производимыхъ пишущимъ человѣкомъ. Писаніе было смѣшно, потому что казалось ничтожнымъ.

«Идея ничтожества», воодушевляющая комическаго писателя, тѣснѣйшимъ образомъ связана съ «идеєю ничтожества», составляющею основу пессимизма. Жизнь смѣшна, потому что бездарна и нелѣпа; жизнь трагична, потому что бессмысленна и безобразна. Безвѣріе, отсутствіе догмата—то именно, за что такъ долго упрекала критика Чехова—открываютъ и смѣшное, и кромѣшное, какъ адъ, въ человѣческой жизни. Ибо когда человѣкъ вѣритъ, когда его одолеваетъ боль, когда онъ воспламененъ, увлеченъ, влюбленъ, короче—когда умъ его и духъ одержимы сознаніемъ важной и значительной цѣли, жизнь можетъ ему казаться прекрасной, достойной объятія, или пошлой и неправедной, достойной открытой борьбы—только не смѣшной и не безцвѣтной, какъ сѣрый туманъ, лишенный красокъ. Въ «Ивановѣ» одно изъ дѣйствующихъ лицъ восклицаетъ: «будь проклята эта *бездарная* честность!» Это чрезвычайно характерное противопоставленіе. Что, казалось-бы, общаго между сверканіемъ дара и «честностью» т. е. догматизмомъ? Но когда догмата нѣтъ, и все, что извѣстно подъ этимъ названіемъ, не имѣетъ истинной цѣли, «бездарная честность» способна вызвать ненависть именно тѣмъ, что къ ничтожеству цѣли присовокупляетъ ничтожество проявленія.

Темпераментъ Чехова, какъ я уже сказалъ, не принадлежалъ къ числу легко-воспламеняющихся, бурныхъ, увлекающихся. Онъ былъ остороженъ.

надежности, никогда не трепетали отъ избытка силъ, красокъ, восторга, которые только потомъ, по внимательномъ разсмотрѣннн, оказались ничтожною повѣстью о человѣческомъ ничтожествѣ. Эти исторіи были всегда сѣрыя, даже когда онѣ были радостныя, всегда отличались малокровіемъ, даже тогда, когда, казалось, въ нихъ кипѣла кровь. Это не стало несносно, скучно и блекло, потому что остуженный умъ вѣщалъ словами Экклезіаста «суета суетъ и всяческая суета», но было всегда и скучно, и блекло, развѣ только что переносно. Это не обезцвѣненіе жизни, для чего нужно сравненіе, требуется догматъ, предполагается страсть, ибо страсть и догматъ бывають и въ отрицаннн. Это — стыдъ за бесплодную, ненужную, безцвѣтную, сумеречную жизнь.

«Я умираю отъ стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человѣкъ, обратился не то въ Гамлета, не то въ Манфреда, не то въ лишніе люди — самъ чортъ не разбереть!» Такъ говоритъ Ивановъ. Онъ не злится, не негодуеть на импотенцію, но стыдится ея. И вотъ такое именно впечатлѣніе производять всѣ герои Чехова, которые словно подбадривають себя, принимаясь за «даму съ собачкой» или за что другое. Въ самый патетическій моментъ ихъ занятія вы чувствуете у автора, на всемъ колоритѣ, на описаннн природы, на томъ, какъ смотритъ мѣсяцъ, какъ плещется сонная рѣка, какъ идетъ паръ отъ самовара — рѣшительно на всемъ, одну и ту же слабую и горьковатую усмѣшку: «ну, что-жъ, попробуй! займись! только, пожалуй, что все это вздоръ!» И весь видимый міръ, весь этотъ тонкій художественный аккомпанементъ, въ описанняхъ, въ звукахъ, въ краскахъ, еле скрывалъ зѣвоту свою. Скучно! Ничтожно! Забавно, коли хотите! А въ общемъ, глупо...

«Анемія» — вотъ медицинскій терминъ для обозначенія жизни, которую рисовалъ Чеховъ съ такимъ прелестнымъ, мягкимъ, стыдливымъ талантомъ. Какъ будто люди здоровы, какъ будто все у нихъ на мѣстѣ, какъ будто и дѣлають то, что полагается, и даже имѣють «убѣжденія» насчетъ того, что полагается дѣлать людямъ, но все это малокровно, сумеречно, ничто не освѣщается блескомъ солнца, снопомъ лучей, живительнымъ свѣтомъ *plein air*'а. И на всѣхъ здоровыхъ, «ивановскихъ» рукахъ проглядываютъ, сквозь бѣлую, изнѣженную кожу, голубоватая жилки. Всѣ они, эти люди, напоминають «парового цыпленка» изъ разсказа Гл. Успенскаго, про котораго лицо, ведущее разсказъ, выражается слѣдующимъ образомъ: «Температура есть, а сути-то нѣту».

Суть («совѣсть», какъ въ томъ же разсказѣ говорится у Успенскаго) заключается въ желанняхъ. Это — тотъ же «догматъ», но въ болѣе упрощенной формѣ. Всякое желаніе, всякое проявленіе воли и составляеть жизнь. Желаніе окрыляетъ, такъ сказать, существованіе, даетъ ему смыслъ, назначеніе, и быстро, съ тою мгновенностью душевнаго и мозговаго отраженія, о которой мы не можемъ себѣ составить даже представленія, переокрашиваетъ всю жизнь, весь міръ въ цвѣтъ желанія. У героевъ Чехова — слабыя желанія; быть можетъ, тѣнь желаній, капризь раздраженнаго вкуса, но не то, что называется здоровымъ, сильнымъ аппетитомъ. И когда нѣтъ такого яснаго, сосредоточеннаго желанія, въ душевную жизнь внѣдряется болѣзнь воли, и за отсутствіемъ достижимыхъ цѣлей, опредѣляется недостижимость и недоступность единой, поглощающей цѣли, которой дѣйствительно нѣтъ, какъ нѣтъ ничего конечнаго и абсолютнаго.

Я не задаюсь здѣсь задачами «органической кри-

тики», и потому не касаюсь вопроса, почему русская жизнь не выдвигаетъ страстныхъ желаній, интересныхъ цѣлей, одолимыхъ препятствій, которыя такъ отрадно «братъ», какъ выражаются спортсмены. Мнѣ хотѣлось только сказать, что нашъ незабвенный Чеховъ — истинный поэтъ недозрѣвшихъ, полузадушенныхъ желаній. Въ его жилахъ течетъ «блѣдная кровь» поколѣнія Ивановыхъ, въ которыхъ была «температура», но никакой определенной сути.

А. Кугель.

